бой будетъ не ладно!“— *Гулева̀нъ* забросался по ко́мнатами: „куды же я дѣва́юсь?“ — „Сиди въ сту́лѣ, не бойся! (Онъ не знаетъ, што ты мой *гулеванъ*)“.

23. Онъ тогда съ коня слѣзъ, приходитъ въ ко́мнаты. Сначала *гулева̀ну* голову оторва̀лъ и вы́бросилъ за окно. Приказалъ кучеру: „убрать, унести!“— Потомъ началъ Катунъ-дѣвицу съ шпоки на́ шпоку *понюжа́ть*. Катунъ-дѣвица ему сказала: „не бей меня, Мишка-Котома конюхъ! чѣмъ меня увѣчить, я желаю лучше за тебя за́мужъ идти!“ — Сходили къ вѣнцу́, повѣнча́лися. Завели пиръ на весь міръ. Самъ онъ сталъ государствомъ править.

---

8. „Рязанцовъ съ Милютинымъ“.

1. Жили были два купца, Рязя́нцовъ съ Милютинымъ. Онѣ жили изъ окна въ окно, значитъ—сусѣди. У ихъ дѣтей не было не у тово, не у другова.—У Рязанцова былъ обѣдъ, съѣжжались енералы и купечество. И сдѣлали записи: если будетъ у одново сынъ, а у другова дочь, то за про́тчихъ штобы не отдавать. И подъ это дѣло всѣ подписа̀лися, енералы и купечество; только осталось подписацца царю ишо.... Царь ихъ требуетъ къ себѣ—представить царскіе *ремо́нты* въ особенные города́. Онѣ съ восударемъ сряди́лись и, наконецъ, подаютъ свои записи. Царь просмотрѣлъ и́хну бумагу.—„Подписа́цца мнѣ нельзя подъ это дѣло! Если роди́цца у первова у́мной, а у другова будетъ дуракъ, не ладно будетъ! Я подпишу ету бумагу и оставлю ее у себя: если умные дѣти роди́цца у васъ, у тово и другова, тогда я ихъ могу *сообщи́ть* вмѣстѣ“.

2. Накла́ли онѣ царскихъ *ремо́нтовъ*, отпра́вились въ особенные города́. Пріѣзжаютъ домой, у ихъ жоны, та и другая, обрюха́тѣли (какъ вѣтромъ наду́ло). Уродился впослѣдсвіи время у Рязанцева сынъ, а у Милютина дочь. Резанцову свяшшенникъ далъ имя Ва̀нюшкой, а Милютиной — Катей. Сдѣлались рады послѣ етова. И вотъ онѣ также—одинъ безъ другова чаю не напьюцца—ходили.

Выросъ едакъ годовъ до десятку у Резанцова Ванюшка. Сдумалъ отецъ у ево ѣхать торговать въ особенные города́. Нагрузи́лъ онъ 12 кораблей товаровъ, на́бралъ себѣ рабо-

чихъ — ло́цмановъ и прика̀шшыковъ. Пріѣзжаетъ онъ въ Англію и раскладываецца торгова̀ть въ англі́йскимъ городѣ. Поторговалъ етакъ лѣтъ съ шесь. Въ воскре́сной день съ прика̀шшыками ча̀йничать сѣлъ. Прика̀шшыкамъ говоритъ сначала: „Я, господа прикашшыки, думаю въ свой городъ Питенбурхъ явицца изъ Англіи“.—Прикашшыки на отвѣтъ сказали: „Мы дивимся тому дѣлу, какъ ты долго дю́жишь — одинъ сынъ и одна жена до́ма у тебя, шесь лѣтъ ты проживаешь здѣсь!“

3. Онѣ склали въ корабли товары, отправились домой. Выѣхали серѣдь моря на своихъ корабля́хъ, корабли ихъ стали. И сколько бы онѣ не старались, а корабли съ мѣста никуды́. И бились тро́е сутки на этѣмъ мѣстѣ. На четвёртые сутки Рязанцовъ вышолъ изъ кораблей наружу и кричѣлъ въ воду, што „если такой *хи́тникъ* дёржитъ наши корабли, если што надо, мы заплатимъ, только не дёржи́!“— Изъ воды кричитъ человѣческимъ гла̀сомъ: „Не надо намъ не злата, не серебра, твоихъ товаровъ не надо, а самово́ Резанцова въ воду! За то корабли и судя́рживамъ!“—Рязанцовъ отвѣчалъ до трёхъ разъ, и онѣ также ему повторили до трёхъ разъ, што „ничево́ намъ не надо окро́мѣ тебя! самово тебя въ во́ду!“

Рязанцовъ заходитъ въ свою канто́рку, сучинилъ бума̀гу: „И хто жилъ за сто рублей, если доставитъ мои товары женѣ домой, тотъ получитъ человѣкъ двѣсти рублей“, — всякому человѣку удвоилъ цѣну. Передаётъ главному прика́шшыку. Самъ срядился въ бѣлую рубашку и подшта̀ники (всё равно какъ на́ смерть срядился). Выходи́лъ наружу и прошшался со всѣмъ народомъ и съ бѣлымъ свѣтомъ. Тогда палъ въ мо́рё. Корабли всё равно какъ съ крюко́въ снялись, пошли въ ходъ. Рязанцовъ остался на водѣ, бьёцца, какъ лебедь, не тонетъ. Главнѣйшій ево прикашшикъ взялъ подзорную трубу и говоритъ: „Если мнѣ воротицца на кораблѣ, то опять корапь судёржитъ. Погибай жо голова̀ одна, чѣмъ намъ гинуть!“

4. Рязанцовъ изъ ума вы́бился, до тѣй степени́ [маялся], и вдругъ очуди́лся около острова. Рязанцовъ вышолъ на берегъ, прославилъ Бога: „слава Бохъ! не потону́лъ хоть (на сухой берегъ вышолъ)!“ Снима́етъ съ себя портки и рубашку, выжалъ, повѣсилъ на сонце. Высохла рубашка

скоро и подштанники ево; надѣлъ онъ на себя рубашку и подшта́нники, отпра́вился край берегу: надо пи́шшы искать чево́, съ имъ ничево нѣту!—Резанцову попала тропа́.

Пошолъ онъ по етой тропѣ, доходитъ до хорошаво дома. Стоитъ домъ каменной и двухъэта́жной. И онъ по ни́жному этажу по всѣмъ комнатамъ прошо́лъ, нигдѣ не видитъ народу и куска хлѣба не нашо́лъ. Заходитъ онъ въ ве́рхной этажъ и видитъ въ первой комнатѣ: прили́пленъ на стѣнѣ потретъ—дѣви́ца. Подходитъ къ етому патрету, читаетъ; въ патре́тѣ доказано, што Рязанцову на етой дѣви́цѣ женицца, въ здѣшномъ домѣ.—„Если ты меня не возьмёшь,—Рязанцовъ доказыватъ въ патре́тѣ:—такъ мы тебя убьёмъ здѣсь, изъ до́му не вы́пустимъ!“

5. Перешолъ онъ въ другую комнату. Въ другой комнатѣ ишо получше етова есь потретъ, дѣвица получше етой. Доказыватъ ета дѣви́ца тожо само: „если ту не возьмёшь, такъ меня возьми́! а если насъ не возьмёшь, такъ мы тебя убьёмъ!“

Онъ перешолъ въ третью комнату. И въ третьей такой патретъ, што получше ево жены. „Рязанцова,—говоритъ,—*жале́мъ*: если ужъ тѣхъ не возьмёшь, такъ ету возьми!“ третью.

6. Рязанцовъ на то сказалъ: „неужеле мнѣ ишшо Господь доведётъ во второй разъ женицца?—Да ладно, я съ патретами розговариваю, а *ись* ужасно хочу, просить не́ у ково!“—Вдругъ очуди́лся столъ и на столѣ самоваръ, графинъ водки и всево—жаренова и па́ренова. Онъ напи́лся, наѣлся; *покуль* Богу *мори́лся*, убрали со стола, и не знаю хто. И онъ етому дѣлу сдивился. Увидѣлъ онъ диванъ, лёгъ на ево спать, уснулъ очень крѣпко.

Ве́чера слышитъ: брякаютъ колокольчики—ѣдутъ къ ему невѣсты. А передъ Рязанцовымъ очудилась свѣча и сту́ло. И приходятъ три дѣви́цы. Первова потре́ту дѣвица подходитъ къ ему: „Рязанцовъ, возьми меня! (цѣлуетъ-милу́етъ) здѣсь богатства болѣ и твоёва!“—„Отойди ты отъ меня! неужели я во второй разъ буду женицца? *Небаска́я*, нехоро́шая! есь у меня жена почишше тебя!“

Второва потре́ту подходитъ, цѣлуетъ и милу́етъ и приговариваетъ: „Рязанцовъ, бѣлой свѣтъ тебѣ не надоѣлъ, такъ возьми меня въ замужество! не возьмёшь, такъ мы тебя ко́нчимъ здѣсь!“—Рязанцовъ не беретъ и эту.

Третьева потрету подходитъ, цѣлуетъ и милуетъ, со слезами угова́риваетъ ево: „Послушай, Рязáнцевъ, не надоѣлъ жо тебѣ бѣлой свѣтъ! Не хуже я твоей жены, чѣмъ не лучше! Тебѣ жись будетъ хоро́шая, прокла̀дная здѣся!“—Рязанцовъ на отвѣтъ сказалъ ей: „Вы оставьте до за́втрова: я на́ морѣ нама́ялся, изъ ума вы́бился. А завтра я изъ васъ хоть которую возьму!“

7. Поутру́—сонце стало, на разсвѣтѣ—Рязанцовъ сталъ, ходитъ по ко́мнатамъ. Нужно Рязанцову умыцца и утерецца, а утерецца и воды не можотъ найти, а попросить не́ у ково. Тогда очуди́лся [?] на стѣнѣ рукоте́рка, также и рукомойка. Умылся, Богу помолился и сказалъ: „Ахъ, ’черась я ѣлъ хорошо, а сево́дни хто меня будетъ кормить?“—Образова́лся сеча́съ столъ, на столѣ самоваръ, графинъ водки и также наташшыли жаренова и па́ренова ему: ѣшь што угодно! Онъ напи́лся, наѣлся, вылѣзъ изо-стола; Богу *покуль* молился, убра́ли со стола, и не знаю хто.—„Хотя,—говоритъ:—я людей не вижу, а кормятъ меня хорошо! Пойду я по комнатами: которая мнѣ комната загля́нецца, въ той я буду и прожива́цца!“

Заполъ онъ въ одну комнату, комната *акура́тная*; на полу много шше́покъ. Взялъ онъ мете́лку, нача́лъ замета́ть (обиха́живать для себя). И видитъ: въ шшепа́хъ карта *винно́вой* вале́тъ. Изъ винновова вале́та вышло три *ухорѣза* и говорятъ: „здраствуй, Рязанцовъ!“—Рязанцовъ на то сказалъ: „братцы, я ишо только здѣсь [въ первый разъ] людей вижу!“—А эти молодцы́ сказали: „мы не лю́ди, а духи! што ты жала́ешь, мы испра́вимъ! а если ты не будешь насъ посылать, мы тебя убьёмъ самово!“

Рязанцовъ на то сказалъ: „Братцы, вы меня не предоставите ли самово́ въ городъ Питербурхъ?“—„*Дакъ* вѣдь ето што! выйди на балхо́нъ, завежи свои глаза бѣлымъ платкомъ—черезъ часъ тамъ будешь!“—Рязанцовъ приходитъ на балхо́нъ, сидѣлъ съ часъ время. И часъ время проходитъ; время открывать глаза. Онъ открылъ глаза и видитъ: не на балхо́нѣ, а около Петербургу на *ела́нѣ* очудился (не успѣли въ городъ заташшыть-то). Тогда Рязанцовъ прославилъ Бога: „хотя я теперь и недолго поживу, а всё таки до́ма!“

8. И только выходитъ на доро́гу, и вдругъ встрѣчу ему

ѣдетъ ево сватъ Милютинъ. Кучеръ обозналъ, Милютину говоритъ, што твой сватъ идетъ роздѣтой, въ одной рубашкѣ. Милютинъ приказалъ ему пріостановить лошадей и поздоровался съ имъ. Кучеръ пріостановилъ лошадей.—„Здра́вствуёшь, господинъ сватъ Рязанцовъ! Што я вижу? надъ тобой несчастіе сдѣлалось?“ (што обшы́панъ-оборванъ).—Рязанцовъ Милютину сказалъ, што „если, можетъ быть, повѣришь, обскажу я тебѣ, што́ надо мной сдѣлалось! Ѣхалъ я впередъ морями, много *стра́сти* видалъ. Потомъ я,—говоритъ:—свои корабли пустилъ моря́ми, а самъ отправился на ямски́хъ. (Недѣйствительно сказывать онъ ему, нача́лъ омма́нывать). Послѣдняя станція; попали лошади, видно, молодыя, начали съ мѣста насъ бить: всю карету изломали и кучера убили. Я,—говоритъ:—кое-какъ вылетѣлъ, всё съ себя скинулъ: въ рубашкѣ и босико́мъ ловчѣе мнѣ вы́скочить (это всё,—говоритъ:—*ло́поть* я сбросилъ съ себя)“.—“Женѣ тебѣ показацца не ловко! хотя я на дѣло поѣхалъ, садись со мной, пріодѣнься въ лавкахъ!“—Милютинъ обратился назать, повёзъ ево въ го́родъ.

9. Въ своихъ лавкахъ онъ обрядился въ купе́ческую одежду товда. *Тожно́* онъ явился къ своей женѣ. Жена ево крикнула своими *лаке́йками*,—живо поставили самова́рчикъ, наташшы́ла ему всякова кушанья, начали́ угошша́ть ево. Жена угошша́ла и спрашивала: „Милой *ла̀душка*, хотя́ я тебя стрѣтила, серце у меня не на мѣстѣ: явился голъ какъ соко́лъ ты!“—На то Рязанцовъ сказалъ женѣ „милая моя! впередъ я ѣхалъ [морями], много *стра̀сти* видалъ; теперь мои корабли идутъ моря́ми, а я пріѣхалъ на ямскихъ“.—На то ему жена сказала: „если и корабли не придутъ, милой ладушка, такъ у насъ и то есь чѣмъ жить, лишь бы ты живъ былъ!“

10. Онѣ проживались до тѣй степени,—корабли и́хи тогда приходятъ уже на пристань. Требуетъ прикашшыкъ Реза́нчиху това́ры примать. Рязанцовъ запрега́лъ лошадь, садилъ сына и жену, являлся самъ на пристань. Тогда онъ по имени называлъ, по изо́тчеству всякова велича́лъ, што „спаси́бо! предоставили мнѣ товары и казну!“—Подава́ли письмо Резанчихѣ, што „мы не признёмъ ево за хозяина; непремѣнно *прильсти́лся* къ тебѣ нечи́стой духъ намѣсто хозяина: есь у насъ отъ хозяина письмо“.—Передаютъ ей письмо.

Она смотритъ и говоритъ: „почему же ты мнѣ объяснилъ не такъ?“—Сказалъ онъ ей на то: „Вамъ дѣла нѣтъ, какъ бы я не прибы́лъ! я самъ вашъ хозяинъ! если я нечистой духъ, то сотворите молитву, и нечистой духъ должо́нъ отдалицца отъ васъ! (Не скажу я вамъ, какъ я пріѣхалъ! дѣла вамъ нѣту!)... Хто жилъ за сто рублей, тотъ получитъ триста рублей, ешо по сотенкѣ прибавляю. Каждому человѣку утрояю я цѣну. Только выгружайте корабли́—товары! послѣ етова пируйте трои сутки (на мой счетъ), только не запивайтесь! Послѣ трёхъ сутокъ являйтесь ко мнѣ на розсчётъ!“ — И вотъ онъ на четвертые сутки ихъ разсчиталъ: которому *принасле́дно* жить, которому отходить.

11. Сходилъ Рязанцовъ въ стеклянной заводъ, о́тлилъ себѣ стекля́нную шкатулку; взялъ на база́рѣ ваты; взялъ *винно́вова* валета, окла́лъ ево ватой и заперъ въ эту шкатулку. Заперъ ету шкатулку въ само́дъ и отъ само́ду ключъ [бросилъ] въ море, штобы нихто не входилъ. — „Не́чево, — говоритъ:—мнѣ нечистымъ духомъ воро́чать! у меня своихъ денегъ хва́титъ!“

Нечистые ду́хи послѣ етова на́чали Рязанцова мори́ть; слёгъ онъ хвара́ть, и по́меръ ско́рымъ вре́мёмъ. Послѣ етова дѣла Рязя́нчиху начали морить, и она захвара́ла; и её ко́нчили скоро. Молодова мальчишка погоди́ть морить: пушай онъ отеческимъ капи́таломъ поторгу́етъ! Торговля идётъ Ва́нюшкѣ хоро́шая.

Ни черезъ до́лгое время ду́хи ему въ по́лдни приходятъ всѣ тро́ё. Поздоровались съ имъ, и онъ также.—„Што, сказалъ, покупаите у меня?“—„Мы не покупать пришли, а въ гости тебя звать!“—„Куды жо вы меня въ гости позове́те?“—„Мы позовёмъ тебя въ гости въ трактиръ (на́перво)“. — „Я въ трактиръ не пойду!“—„А въ трактиръ не за худыми дѣлами. Тутъ есь особая комната: съѣжжаются купечество (торговые) и прибываютъ тутъ генералы. („Гостиный домъ“ называцца). Да товда вы можете спросить: въ какихъ городахъ товары можно купить подеше́вле?“—„А што же, де́негъ взять съ собой?“—„Нѣтъ, денегъ не нужно; мы тебя на свои попо́тчуемъ“. — Согласился Ва́нюшка съ имя́ итти. Заперъ лавки и пошолъ въ трактиръ.

Приходитъ въ трактиръ, духи и говорятъ, што „половой, поднеси́ намъ всякихъ винъ, жаренова и паренова, всякова

десе́рту!“ — Какъ онъ зе́лена вина не пива́лъ отъ ро́ду, — спи́лся, сдѣлался пьяной (Ваню́шка). Подвели они ему то, што [какъ будто] сидятъ енера́лы, сидятъ купечество; говорятъ ему: „вотъ, Ванюшка, можешь съ имя́ и посовѣтовать; не для́ худыхъ дѣлъ мы тебя подвели́“. (Даромъ што никово нѣту). — Ванюшка спи́лся пья́ной, лёгъ и лёжи́тъ. А ду́хи отправились, половому наказа́ли: „ево не шеве́льте тутъ! што́ караулъ сто́итъ, мы утромъ придёмъ и запла́тимъ“.

Утромъ рано ду́хи приходятъ; половой бѣжитъ: „што́ нужно?“ — „Нужно намъ ту же самую комнату! принесите намъ вся́кихъ винъ и всякова дисе́рту!“ — Разбудили Ваню́шку: „Ванюшка, не нужно такъ! Видѣлъ вчера: хорошіе сидятъ люди. Нужно поговорить и отправицца домой!“ — Ваню́шку только опохмѣлили, распростились и ушли. И Ванюшка домой ушолъ. Приходитъ домой, чаю понапи́лся, пошолъ въ лавку торговать (Ванюшка).

12. „Я ’черась былъ въ трактирѣ: у солдата денегъ немно́го, а каку *фрейлину* себѣ подхватилъ! (значитъ — *гулева́нку*). А если взять мнѣ тысячу или двѣ, такъ я первова лица себѣ даму найду! А если дождацца мнѣ ихъ, подлецо́въ, то мнѣ даму не попросить при ихъ (стыдно, — говоритъ, — будетъ)!“ — Приходитъ въ трахтиръ. — „Што угодно?“ (половой и говоритъ). — „Мнѣ нужно даму; приведите фрейлину и штобы былъ всякой десе́ртъ!“ — Приходитъ 20 дѣви́цъ: выбирай любую; которая понравицца, ту и возьми! Онъ выбралъ себѣ хорошова лица даму, моложа́вую, поса-ди́лъ проти́въ себя и начали́ угошша́цца виномъ. Дѣви́ца сколько вина не пьётъ, а больше вина подаётъ. (Онѣ знаютъ, чево дѣлать-то: съ де́ньгами пришолъ, — выудить охота). Споила ево допьяна́, деньги у ево вы́ташшыла, велѣла половому за трахтиръ ево вы́бросить.

Идутъ полицейскіе, увида́ли Рязанцова Ваню́шку, стали будить. Ваню́шка проснулся. — „Што за лю́ди?“ — „Ставай, мы тебя поведёмъ въ ’реста́нскую, што ты не валя́йся *ночны́мъ быто́мъ* здѣсь!“ — Ванюшка сказалъ: „сведите вы меня домой, а завтра приходите ко мнѣ въ лавку: я съ вами раздѣлаюсь (разсчитаюся)“. — Поутру́ чаю напился, отправился въ лавку торгова́ть. Полисейскіе приходятъ; онъ надавалъ *имя́* всякова товару и денегъ: „только не канфу́зьте меня, не говорите, што я въ трактирѣ былъ!“

13. Послѣ етова денегъ взялъ не мало; „не возьму я ету, возьму другую! съ другой не лучше ли будетъ?“ — Приходитъ Ванюшка въ трактиръ.—„Што надо?“—„Мнѣ комнату, всякихъ винъ и закусокъ! Мнѣ *фрейлину* хорошую!“—Приходитъ дѣвица хорошова лица, садицца противъ ево.—„Душечка,—говоритъ:—мы сёдни съ тобой полюбуемся!“—И сколько она сама вино не пьётъ, болѣе ему подаётъ. Споила допьяна, деньги выудила и ево за трахтиръ приказала половому выташшить. И эти же полицейскіе опять свели ево домой, за деньги. Поутру рано проспался, чаю напился, пошолъ въ лавку торговать. — Не стали уже ево въ трактиръ пушшать; сталъ по мелкимъ б.....амъ совацца и по кабакамъ. Деньги всѣ измотолъ, сталъ товары продавать. До тово дошолъ, што всю *домашность ръшилъ*, у нево нечѣмъ стало жить.

14. Милютинъ пошолъ на ево съ жалобой къ царю, што „я не отдамъ свою дочь за ево“. — Царь говоритъ, што я ево назавтрева спрошу. Што ты мнѣ ранѣе не сказалъ? я бы ево на сокроту!“—Повечеру Ванюшка приходитъ пьяной. Съ имъ былъ отставной солдатъ, звали тоже Иваномъ. — „Што ты, Ванюшка, дался въ пьянство, въ распутство? а ты бы образовался, по крайней мѣрѣ!“ — началъ старикъ учить ево, салдатъ. — „Есь у меня отеческіе деньги, сталтара; я тебѣ дамъ, не расторгуешша ли на ихъ? возьми пряничковъ, орѣшковъ!“ — Салдатъ далъ ему полтараста рублей; онъ пошолъ въ б.....ъ, всѣ ихъ прокутилъ. Потомъ, значитъ, приходитъ поутру пьянъ, опохмѣлицца нечѣмъ.

„Охъ дядя Иванъ, ташшы на базаръ диванъ! купи полштофа водки! а дадутъ лишку, такъ купи ешо рыбину на ушку!“—„Охъ ты Ванька дуракъ! я всё берёгъ на похороны полтараста рублей! отеческія деньги дарёны, а ты всё пропилъ!“—„За этѣ хоромы насъ и всякъ похоронитъ!“—на то сказалъ Ванюшка (домъ де у насъ хорошъ).

15. Поташшылъ дядя Иванъ диванъ на базаръ продавать.—„Ковды онъ продался? я пойду по комнатами, не найду ли што хорошова продать?“ — Доходитъ онъ до камоду. — „Ахъ, кабы сила у меня была этотъ камодъ выташшить! скричѣлъ бы: налейте, братцы, четверть! всякъ бы налилъ!“—Увидалъ въ камодѣ шкатулку, а въ этѣмъ камодѣ ключа нѣтъ. Не подорожилъ онъ стекломъ, ударилъ своимъ кула-

комъ по стеклу́, доста́лъ шкатулку. — „Вотъ шкатулочка фо́рменная! охотнику если продать, полштофа дадутъ мнѣ за ея! А если, *мо́жетъ*, у родителя не заперто ли тутъ золото? былъ у меня родитель капита́льной“. — Ударилъ шкатулку о́бъ полъ, — шкатулка ево расшиблась, въ шкатулкѣ образовалась вата“.—„Эхъ,—говоритъ:—прежде, какъ я оте́ческимъ капи́таломъ торговалъ, такъ етой ватой ж..у только подтира́лъ!“ — Развернулъ онъ эту вату и видитъ: виннова валета карта.

Изъ виннова валета вышли духи, три человѣка.—„Здравствуёшь, Ванюшка!“—„А вы отку́ль, братцы?“—„А вотъ,—говорятъ: — отца твоёва уморили и мать твою, и тебя до тово довели, што и у тебя ничего нѣтъ. Если можешь нами править, такъ правь, а не можешь, такъ мы тебя кончимъ!... Поди въ ту комнату, въ которой *проживаешша*,—лёжитъ у тебя на столѣ одежды много купеческой, денегъ сотъ пять рублей!...“ — „Вотъ бы мнѣ ешо самоварчикъ, двѣ чашки позоло́чены, сахару и чаю! Да буты́лку водки на похмѣлье мнѣ,—больше,—говоритъ:—я пить вина не буду!“

Дядя приходитъ, бутылку вина приноситъ и рыбину ему. — „Ахъ, Ванюшка, у тебя ишо и деньги есь?“ — „Неужели же я ихъ всѣ пропилъ? Да намъ денегъ съ тобой навѣки не прожить!“ — „Вотъ что, Ванюшка, отдай мнѣ полтараста рублей, мои деньги!“—„Возьми всѣ 500 рублей! не жалѣю!“—Отшиталъ себѣ полтараста рублей. —„Ты дядя, со мной не живи, поди на ку́фню! ковда я скричу обѣдать, тожно́ и иди!“

16. Выходятъ духи. — „Мы тебя, Ванюшка, будёмъ учить!“ — „Ну, учите!“—Духи говорятъ, што „придётъ къ тебѣ отъ царя посла́нникъ солдатъ, будетъ тебя требовать къ царю на совѣтъ. *Мотри́*, онъ будетъ принуждать тебя женицца, а ты скажи: мнѣ женицца не вре́мё, я ешо отеческой капита́лъ всё повѣря́ю!“ (Онъ ла́дно повѣря́тъ!)... Посланникъ ушолъ, — онъ посулился прибыть. Далъ онъ солдату сто рублей денегъ за *прохо́ды*. Салдатъ къ царю приходитъ, объясняетъ, што „онъ не пьянъ, а далъ мнѣ со́тенку на сапожки, вотъ за прохо́ды“.

До вечеру доживаетъ и говоритъ: „Штобы меня собра́ть полу́чше царя самово́!“ (Началъ *храпу́жить*!). „Придоставить штобы мнѣ тройку лошадей и съ кучеромъ“ — Тройка

лошадей подбѣга́етъ, и съ кучеромъ: карета вся *на́золотъ*, также и дужка позоло́чена. Ѣдетъ онъ городомъ, — много народу изъ домовъ выбѣгали и смотрѣли: што́ за рыцарь ѣдетъ? Посланники прибѣгаютъ къ царю: „Такой-то рыцарь ѣдетъ въ гости, — какъ ево прика́жешь стрѣтить?“ — „Заѣдетъ къ намъ во дворецъ, — принять ево по́дъ руки, завести въ моё за́ло и посадить со мной рядомъ!“

17. Царь спрашивалъ: „Изъ какихъ ты родовъ? изъ какова королевства?“ (думалъ, што какой королевской сынъ).—„Ваше Царское Величество! не смѣйтесь надо мной! я Иванъ Васильичъ Рязанцовъ сынъ, по требованію Вашему! што изволите у меня спросить?“—„А што, Иванъ Васильичь, ты теперь грамотной?“ — „Грамотной!“ — „Есь у меня отеческія записи, не угодно ли просмотрѣть вамъ?“ — „Да, Ваше Царское Величество, покажите, я посмотрю“.—Дали ему записи. Онъ просмотрѣлъ, сказалъ, што „хорошо отцы наши сдѣлали!“

Царь на то ему сказалъ: „тебѣ, Иванъ Васильичь, время́ женицца!“ — „Мнѣ женицца, Ваше Царское Величество, не вре́мё“. — „Почему не время́?“ — „Потому не время́, што я отеческой капи́талъ всё ишо повѣря́ю“. — Царь ему на то сказалъ: „*Слы́хомъ* земля по́лницца. Слыхалъ, што ты наполнилъ отеческими деньгами трахти́ры и кабаки, и б.....и“. — Рязанцовъ сказалъ: „Ваше Царское Величество, если хо́чите меня знать, задумайте гдѣ-нибудь соборъ класть и потомъ пошлите завтра по нашему брату, по купечеству, — *то* узнаите и меня!“ — Царь ево за ето похвалилъ.—„Ты теперь отправься домой, а я *заутрю́* [?] пошлю енерала по купечеству“.

Пріѣзжаетъ домой и говоритъ: „Духи, вы севоднишную ночь приташшыте тысячъ 30 денегъ, и у меня въ дому штобы было украшено однимъ словомъ хорошо! чтобы два стула было *на́золотъ* и двѣ чашки позоло́чены, штобы было енерала угостить мнѣ чѣмъ!“—Поутру́ Ванюшка стаётъ, у нево всё готово: насла́ты ковры́ на полу и *убра́ты* драгоцѣнными камнями, стѣны подъ лакъ подведёны — въ родѣ зеркала гледись; два стула на́золотѣ, двѣ чашки позоло́чены, и денегъ подташшыли 30 тысячъ ему.

18. Поутру́ приходитъ къ ему енера́лъ. А у ево для енерала самоварчикъ готовой. Енералъ приходитъ,—боицца

и на̀ полъ стать,—какое у ево украше́ніе. Поздоровался съ Резанцовымъ. Рязанцовъ пригласилъ ево съ собой чай пить; чай пить онъ не сялъ: „въ каждомъ мнѣ дому садицца — етова много будетъ!.. Пришолъ я по 'чера̀шному завѣша̀нью: што́ можошь ты на соборъ прило́жить?“ — Рязанцовъ сказалъ: „Вы, Ваше Высо'благородіе, записываите, хто сколь приложитъ? Дайте мнѣ записи, я просмотрю!“ — И хто отъ шшедрости десятку, хто пяти́тку, хто сотенную, а ево тесть Милютинъ приложилъ одинъ рубль серебра только. Онъ енералу говоритъ: „Енералъ, посовѣтуйся со мной: меня тесть шшитаетъ пьяницей, а самъ прило́жилъ одинъ рубъ серебромъ только! мнѣ остаёцца одну четь копѣйки только подписать. Я не прило́жу ничево. Пушай царь завтра меня ешо на совѣтъ позовётъ. А тебѣ на сапо́жки сотенку дамъ, за прохо́ды“. — Енералъ приходитъ и сказалъ, што „всѣ прило́жили, а Рязанцовъ четь копейки не приложилъ, мнѣ сотенку далъ на сапожки... Ну, да мы завтра ево ишо призовёмъ на совѣтъ“.

19. Поутру пріѣзжаютъ къ Рязанцову [посланные духами] хохлы на 12-ти подводъ [такъ!] на быкахъ; и *фла̀жки* казённые. Выходилъ солдатъ Иванъ, прибѣга̀лъ къ Ваню́шкѣ и сказывалъ объ этѣхъ хохлахъ. Ванюшка сказалъ: „*тупай*, дядя, скажи *имя́*, што быковъ кормить здѣсь нѐколды, пушай они поѣдутъ на *сва̀лку*!“ (куды имъ *принасле́дно* сва̀ливать, значитъ). Тогда ѣхали хохлы Петербургомъ *хъ* царскому дворцу. Тогда генералъ усмотрѣлъ и сказалъ, што „ѣдутъ съ казной неизвѣстно куды, а фла̀жки наши!“—„Хорошо!“ Царь приказалъ спросить, што́ онѣ везутъ и куды? — Енералъ пріѣзжаетъ и спрашиваетъ. — „Мы везёмъ золото!“ хохлы отвѣчаютъ. Онъ не повѣрилъ, спросилъ другова. — „Мы везёмъ во дворецъ золото царю“.—Онъ спросилъ третьева. Тре́тей соскочилъ, ево нагайкой: „што же ты лѣзешь къ намъ на̀сильно?“

Енералъ пріѣзжаетъ къ царю съ жалобой, што „дураки не дураки ѣдутъ: одново спросилъ, онъ мнѣ сказалъ, другова спросилъ, онъ меня *матюко́мъ*, а третей—нага̀йкой“.— Царь на то сказалъ: „били тебя, да и мало! ѣдутъ они безо всякова канво́я, а ты лѣзешь къ имя́! должо́нъ первова спросить и оборотицца назать!.. Стрѣть! если никакой подмѣси нѣту у нихъ, спасибо скажи!“

Царь не могъ утерпѣть, самъ вышолъ поглядѣть золото. Которую бочку не роскуборитъ, хорóшое золото. Царь сказалъ: „отъ ково это золото? за чево присла̀то?“ — „Присла̀то ето золото отъ Рязанцова купца на собóръ, 12 бочекъ“. — Тогда царь сказалъ: „вотъ, шшитаемъ мы дуракомъ ево! *мотри́*, двóрной енера̀лъ, садись скорѣй на лошадку, да привози ево сюда на совѣтъ!“

20. Двóрный енералъ живо садился на лошадку и являлся къ Рязанцову купцу. Пріѣзжаетъ къ Рязанцову, просилъ ево поскорѣе къ царю на совѣтъ. Рязанцовъ сказалъ: „за тобой же слѣдомъ явлюсь, а на твоей лошадкѣ не поѣду!“ Рязанцовъ сказалъ своими духами: „снарядите меня почи́ше царя и карету предоставьте ту же самую и съ кучеромъ!“ — Карета прибѣгаетъ, сади́лся въ карету и явился къ царю.

Царь ево приказалъ встрѣтить такимъ же манеромъ, завести въ зало и посадить съ нимъ рядомъ. Царь ему говоритъ: „Послушай, Иванъ Васильичъ! время тебѣ женицца! чѣмъ тебѣ одному жить, женись!“ — Сказалъ Иванъ Васильичъ: „я не возьму ея̀, распишуся!“ (Милютинъ запросваталъ свою дочь за енерала); „куды́ она знаетъ, туды и *тупа́й*, когда тесь считатъ пьяницей меня“.—Расписался въ этѣмъ дѣлѣ.

Царь ему говоритъ: „я тебѣ чинъ дамъ (што много золота приста́вилъ)“.—„Какой же ты мнѣ чинъ дашь?“—„Дамъ тебѣ чинъ енерала, будешь ты у меня енера̀ломъ служи́ть“.—„Нѣтъ, я не принимаю чинъ енера́ла, это мнѣ будетъ затруднительно: отеческой капи́талъ нѣкогда будетъ повѣря́ть. Лучше я тебѣ буду по тысячѣ рублей на́ день на армію выдавать; а военной службы я не знаю... Вы и думаете, што ето деньги, 12 бочекъ золота? у меня отеческіе магази́ны навале́ны мѣди до́верху, мнѣ навѣки не прожить!“ — „Всё таки я тебѣ за это чинъ дамъ“.—„Какой же чинъ?“—„Я тебѣ чинъ дамъ городничина. Вотъ это, городни́чина получишь, будешь каждой день въ Синодъ съѣзжаться, и за однѣмъ столомъ кушать будемъ“.—На ето онъ согла́стенъ. Потребовалъ на нево галуны́ и назна́чилъ ево городни́чинымъ; и приказалъ будку выстроить, штобы около ево дому караулъ былъ (штобы часовы́ салдаты стояли день и ночь).

21. „Духи, неужели я сро́ду буду не женатъ?“ — Духи ему сказали: „вотъ тебѣ на́ три вешшы! на эти на три вешшы омманывай свою невѣсту записную!“—Вечеръ приходитъ; и какъ онѣ жили изъ окна въ окно, онъ вывѣсилъ изъ окна́ золоты́е серёжки (надъ окномъ). Усмотрѣла невѣста серёжки: „поду, я ихъ поторгую! Завтра съ енера́ломъ мнѣ будетъ на вечери́нкѣ хорошо сидѣть!“ — Приходитъ къ окну. — „Записно́й ты мой женишокъ, Иванъ Васильичъ Городни́чинъ! не прода́жны ли у тебя серёжечки? продай мнѣ!“ — „Ни продажны! Зайди ты въ мою комнату, поцѣлуй меня умильно, — я тебѣ въ пода́рочекъ дамъ!“ — Поцѣловала, взяла серёжки, приходитъ въ свои комнаты, надѣла въ уши и видитъ, што очень хорошо.

Потомъ онъ вывѣсилъ золотые *янтари*. — „Пойду, поторгую: завтра мнѣ съ городничинымъ будетъ на вечеринкѣ сидѣть хорошо!“—Приходитъ: „Записной ты мой женишокъ Иванъ Васильичъ Городничинъ! не продашь ли мнѣ золотые янтари?“ — „Не продажны, а завѣтны! зайди ты въ мою комнату, поцѣлуй меня умильно, я тебѣ въ подарочекъ дамъ!“ — Поцѣловала умильно, взяла янтари; приходитъ [домой], золотые *яндари* надѣваетъ на себя, глядитъ въ зеркало; ей очень хорошо поглянулось.

Вывѣсилъ онъ золотой пе́рстень послѣ тово. Она приходитъ: „Записной ты мой женишо́къ Иванъ Васильичъ Городничинъ, не прода́жной ли у тебя перстень?“—„Зайди въ мою комнату́; родились мы съ тобой въ однѣ часы и минуты, выдаютъ тебя теперь за енерала за старика, отдаешь чесь старику! отдай лучше мнѣ“. — Согласилась; ему и чесь отдала. — „Послушай; твоё дѣло дѣвичье; сними ету *стану́шку*, я тебѣ дамъ свѣжу, мамонькину; а завтра очагъ затоплю́, сожгу!“ — Она отправилась послѣ етова домой.

22. Поутру́ Милютинъ отправился царя на вечеринку звать къ себѣ. Царь ему сказалъ: „если дозволитъ мнѣ Городничинъ, такъ я поѣду: пушай онъ мнѣ записку пришлётъ! я по вечеру [?] не обязанъ ѣхать, Городничинъ меня за ето судить будетъ!“ (Царь будтобы отва́ливатъ отъ себя). Приходитъ Милютинъ домой и сказываетъ своей женѣ: „вотъ ково намъ не надо, а царь велитъ ево звать!“—Тогда Милютинъ отправился ево звать.

Приходитъ въ ево комнаты, боицца и по́ полу пройти. А у ево для тестя и самоварчикъ готовъ. Поздоровался съ Городничинымъ и говоритъ: „Желаю я тебя къ себѣ на вечеринку, царь приказалъ; и царь велитъ тебѣ записку дать, штобы царь на вечеринку прибы́лъ". — „Неужели я царя больше? Пушай жо царь пришлётъ мнѣ самъ записку, велитъ прибыть,—*тожно́* и я буду готовъ. Я царя не больше!" (Тоже ево не шипко *обгуда́ешь*, видно!). Милютинъ во второй разъ пошолъ царя проси́ть къ себѣ на вечеринку. Тогда царь написалъ записку: „пушай Городни́чинъ готовится на вечеринку"; ему передать велѣлъ. Милютинъ приходитъ, передаётъ.—„Вотъ я теперь буду готовицца къ тебѣ!"

23. Вечеръ приходитъ.—„Ду́хи, предоставьте мнѣ золотую карету и тройку лошадей съ кучеромъ! и кругъ дому штобы были фонари и штобы часовые солдаты стояли!" Повечеру царь пріѣзжаетъ къ Милютину. Только въ домъ заѣзжаетъ, также и Рязанцовъ заѣзжаетъ. Онѣ вылѣзаютъ изъ каретъ, поздоровались съ царёмъ, взялись рука по́ руку, заходятъ въ Милю́тино за́ло.

И всѣмъ стулья́ и мѣсто, а Городничину стула нѣту; всѣ по мѣста́мъ сяли, а Городничину стоять приходицца. Царь видитъ, што непорядки, изъ-подъ себя стуло вытянулъ, подалъ ево Городничину. Тогда царю подали сту́ло другое.

24. Стали обносить водкой и угошшать всякимъ бисе́ртомъ народъ. Купечество хвасталось деньга́ми и това́ромъ, въ пира́хъ, а енера́лы хвастались своими деньга́ми. (Напьёшша—похва́сташша). 'сѣ перехвастались. Царь на то сказалъ: „теперь, Городничинъ, намъ приходицца похва́стать, напослѣдѣ! А всё таки тебѣ, Городничинъ, наперёдъ хвастацца: ты помла́же меня маленько!"

Сказалъ Городничинъ: „мнѣ хвастацца не́чѣмъ! моё дѣло молодое, я по городамъ по чужимъ не бывалъ, ничево не видалъ, не́чѣмъ и хвастацца!"—А Милютина жена выскочила и говоритъ: „Ваше Царское Величесво! онъ много бывалъ по трахтирамъ и по кабакамъ, и по б.....а́мъ, и этимъ можно похвастацца!" — Царю сдѣлалось это канфу́зно. „Не тебя спрашиваютъ, твоё дѣло ба́бье, молча́ть! По крайней мѣрѣ онъ предоставилъ 12 бочекъ золота на соборъ, а вы дали всево одинъ рубъ серебра! онъ васъ купитъ всѣхъ!"

25. Всётаки похвастацца [надо].—„Да,—говоритъ:—есь у меня чѣмъ похвастацца! послушать есь чево! Какъ вы выбрали меня въ городни́чины, захотѣлось мнѣ погулять по́ городу съ кучеромъ. Выѣхали мы за́ городъ въ такой палисадъ. По этому палисаду бѣжитъ чернобурая лисица. У меня отеческій пистоле́тъ хорошой. Какъ я *палы́снулъ*, лиси́ца съ *копылко́въ* доло́й. Только подбѣгаю къ ей, она соскочила, убѣжала. Зарядѝлъ во второй разъ. Ѣдемъ дальше. Бѣжитъ другая чернобурая лисица. Какъ *палы́снулъ*, и эта съ *копылко́въ* доло́й (застрѣлилъ, значитъ). Только подбѣга́ю къ ей, хочу её за́ уши взять, она убѣжала, и ета.

Въ третей разъ зарядѝлъ. Ѣдемъ *што* да́льше. Попала опять лисица намъ, третья. Эту какъ *палы́снулъ*, съ ногъ долой и не трепесну́лась што есь. Што и сдѣлалъ?—Кожуту съ её снялъ, а мясо ешо могло убѣжать“.—Тутъ всѣ захлопали въ ладо́ши: „непра́вду сказа̀лъ!“ (не вѣрятъ).—„Это я могу вамъ на пра̀хтикѣ показать, мясо и кожу!“—„Это было бы хорошо; показалъ бы намъ, мы бы лучше повѣрили!“—Онъ вынимаетъ эту самую *станушку*, а станушка была именная, Милютиной дочери.—„Вотъ,—говоритъ:—я какъ отеческимъ пистолетомъ какъ *пласнулъ*,—говоритъ:—вишь дробь разлетѣлась“.

Тогда царь по́нялъ въ этѣмъ дѣлѣ. Приказалъ енера̀лу вылѣзти, а Городничину за столъ сѣсь съ Милютиной дочерью.—„Когда умѣлъ чесь взять, такъ и невѣста твоя!“—Генералъ вылѣзъ, а онъ залѣзъ къ ей за столъ. Ма̀терѣ съ отцомъ не шипко охота, а дѣвацца некуды!

Утромъ повѣнчались, завели пировку.

---

9. [Ювáшка бѣлая рубашка].

1. Жилъ былъ царь. У царя не было бѣлова дня (солнца) и бѣлой *лу́ни*, и часты́хъ звѣздъ и глухо́й по́лночи. Посыла̀лъ онъ *ду́мшихъ* сенато́ровъ за народомъ. Народу много сошлись. Подавалъ царь по ча̀рѣ и по́ двѣ и спрашивалъ: „Господа *думшіе* и сенато́ры и простонародіе! не знаите ли, гдѣ бѣлой день и красное сонце, и бѣлые *луни* и часты́я звѣзды, и глухую по́лночь?“—Всѣ отказались.